

ГАЛИНА ХОТИНСКАЯ

Д.ф.н., к.ф.н., профессор культурологии

1. ЭНТЕЛЕХИЯ и ГЕРМЕНЕВТИКА МУЛЬТИЛИНГВИЗМА: ПРОЛЕГОМЕНЫ К ИСТОРИИ ПРОБЛЕМЫ.

Entelechie und Hermeneutik des Multilinguismus. Prolegomena zur Geschichte des multilinguistischen Problems.

Entelechie and Hermeneutik of multilinguism. Prolegomena to problem of multilinguism

Слово «Prolegomenon» в переводе с греческого означает предварительные, вводные замечания.

Vorläufige Mitteilungen_ Vorbemerkungen_ Einleitung zu einer Wissenschaft (Wörterbuch der Philosophischen Begriffe. Hrsgb. von Arnim Regenbogen und Uwe Meyer. 1998..S)

Наиболее известные Прологомены писал И. Кант („Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, die als Wissenschaft wird auftreten können“ (1787) (Einleitung in die Kritik der reinen Vernunft“, Гуссерль (Husserl „Prolegomena zu reiner Logik“ (1900) и Лев Шестов. Не претендуя на кантовскую глубину, гуссерлианскую силу проникновения и понимания, шестовский скептицизм, попытаемся поделить предварительными замечаниями о герменевтике мультилингвизма и о природе метафизики мультилингвизма в их подходах к теории перевода.

Энтелехия (Entelechie согласно немецкого словаря философских понятий, gr. „zusammengesetzt aus <en> in <telos> <Ziel> und <echein> – haben – das, was Ziel in sich selbst hat) определяется философским умозрением_ как сущностная мера отношения сознания, как сущая субъективность по отношению к объективности мира, будь то внутренний, чисто духовный мир или природный мир. Энтелехия предписывает человеку занять срединное место между Богом, Абсолютной глубиной и средоточием всего сущего, и миром вещей и бессознательных субъектов, т. е. всем тем, в чем существование превалирует над сознанием. Первым в мировую философию понятие энтелехия ввёл Аристотель, который говорил: «Движение есть энтелехия существующего в потенции, поскольку оно таково». Утверждают, что при разработке этой категории Аристотелю пришлось прибегнуть к совету дьявола.

Павел Таранов определяет энтелехию как «переход возможности совершенства в совершенность»(Павел Таранов.Звёзды мировой философии. С.156)

На латинский язык термин энтелехия перевел в XV веке Ермолай Барбарус словом „Perfecti habia“ (Обладание чем-то в совершенном виде). Для Аристотеля энтелехия – это и актуальное движение и потенциальное, которое неизвестно и невыразимо. Осуществленный переход потенциального в актуальное и есть энтелехия.

Со времен Аристотеля под энтелехией понимают форму, которая преобразуется в виде особой энергии в материи и даёт организму живительную жизненную силу, которая с особой мощью и силой целеустремленности наполняет его жаждой самосовершенствования и самовоплощения. В соответствии с понятием энтелехия Аристотель определяет душу как первую энтелехию. Понятие энтелехии глубоко разрабатывали Гете, где у него энтелехия представала, как тяга к бессмертию, а также Лейбниц и Х. Дриш. Следовательно, для нашей концепции понятие энтелехии самое важное.

Традиционно с понятием герменевтика **связывают** теорию операций понимания и последовательное осуществление интерпретаций на основе общих правил понимания и истолкования. Как говорил Поль Рикёр, «Чтобы интерпретировать, следует понимать послание».

Герменевтика фактически родилась из сплава библейской экзегезы, классической филологии и юриспруденции. Этот сплав многих дисциплин помог осуществить коперниканский переворот, поставивший вопрос: **Что значит понимать?** – перед вопросом о смысле того или иного текста или той или иной категории текстов (сакральных или светских, поэтических или юридических). Поэтому, как заметил Поль Рикёр, «исследованию *Verstehen* (Понимание) и предстояло, столетием позже, столкнуться с феноменологическим по преимуществу вопросом об интенциональном смысле ноэтических актов.

Герменевтика, как «искусство понимания письменно зафиксированных проявлений жизни»(В. Дильтей) имела своим исходным пунктом интенциональные связи и выражение душевного опыта в словесных формах.

Современная философская герменевтика обязана своим рождением Фридриху Даниилу Эрнсту Шляйермахеру(1768-1834), который помимо простой техники понимания и толкования разных сочинений(например, священных текстов) обращал внимание на освоение самой интерпретативной структуры, характеризующую понимание как таковое. Следует сначала понять целое, чтобы стали ясны части и элементы. Необходимо, чтобы текст, интерпретируемый объект и интерпретирующий субъект принадлежали одному горизонту, были в одном круге. Шляйермахер дал первую теоретизацию того, что зовется «герменевтическим кругом». Проблема герменевтического круга состоит в удержании тотальности объекта понимания, в целостности операции понимания, обнимающей и объект, и субъект. Шляйермахер выделил два фундаментальных свойства герменевтического круга:

а) необходимое предзнание целостности интерпретативного действия;

в) необходимости принадлежности действия и понимания к более широкому горизонту.

Небезынтересны и труды таких теоретиков герменевтики, как Э. Бетти («Общая теория интерпретации»(1952), «Герменевтика как общая методика наук о духе»(1962), П. Рикёр («Символика зла. Об интерпретации. Очерки о Фрейде»(1965); «Конфликт интерпретаций» (1969), «Живая метафора»(1975),

«Время и повествование»(1985), «От текста к действию. Очерки по герменевтике»(1986), «Герменевтика.Этика.Политика»(1995), Г. Гадамер «Истина и метод»(1962), В. Изер, Г. Яусс(«Время и воспоминание в прустовском «В поисках утраченного времени»(1955), Бультманн, Л. Парейсон «Истина и интерпретация»(1960), Д. Ваттимо «Поэзия и онтология»(1967); «Шляйермахер, философ интерпретации» (1968), «Дебольшое мышление»(1983) и др.

Поль Рикер трактовал понимание как способность воспроизводить в себе работу структуриации текста, а объяснение – как операцию второго уровня, срастающуюся с пониманием и состоящую в прояснении кодов, лежащих в подоснове этой работы структуриации, в которой соучаствует читатель. Как утверждал Рикёр, «Это борьба на два фронта – против сведения

понимания к интропатии и сведение объяснения к абстрактной комбинаторике – приводит меня к определению истолкования через эту же диалектику понимания и объяснения на уровне имманентного «смысла» текста. Этот специфический ответ на первую из стоящих перед герменевтикой задач имеет, по-моему, то неупомянутое преимущество, что он сохраняет сохранить диалог между философией и науками о человеке, диалог, который, каждый по-своему, разрушает отвергаемые мною превратные представления понимания и объяснения. Это можно было бы считать моим первым вкладом в герменевтику, которую я исповедую»(Ricoeur P., *Le conflit des interpretations*. p.89)

Понятие МУЛЬТИЛИНГВИЗМ относительно новое для мировой науки и практически не разработанное, оно вбирает в себя уникальный загадочный феномен многоязычия, трудно поддающийся рефлексивной обработке обыденного сознания.

Multilinguismus(Vielsprachigkeit) согласно словарю Duden. v.5), означает использование многих языков и владение этими языками одним человеком, т. е имеет дело с уникальной индивидуальной психологией и пониманием множественности перспектив и культурных универсумов в априорно возможном уникальном опыте и наследии мультилингвистической личности, читающей мир в очевидности своего лингвистического горизонта, занятого высвобождением все новых участков идеального пространства для свободной инициативы, терпимости, продуктивного диалога и полилога культур.

Герман Пауль, известный историк языка, еще в работе «Принципы истории языка»(1880) заметил, что научное изучение языка предполагает исторический подход.

Выделив примат синхронии над диахронией, Фердинанд де Соссюр совершил переворот в науках о языке. Понимая язык, как клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к данному общественному коллективу», разводя язык и слово, , отделяя социальное от индивидуального, где «язык – это коллективная модель», а слово – это «коммуникативный кодекс» и «индивидуальный акт воли и понимания», Соссюр сопоставлял язык с листом бумаги: на лицевой стороне – мысль, на обороте – звук. Нельзя вырезать фигуру, отделив лицевую часть от

оборотной. Знак, таким образом, связывает одну с другой. У знака есть два свойства: произвольность и линейный характер означающего. То, что объединяет означаемое с означающим, произвольно. Линейный характер означающего предстает как протяженность, и эта протяженность лежит в одном измерении – в линейном. Именно от этого положения де Соссюра в дальнейшем мы будем отталкиваться и в нашей **темпоральной кайротопической теории** для её использования при разработке новых подходов в практике преподавания иностранных языков. Теория кайротопа-кайрохора и хронохора изложена в ряде статей и нашей докторской диссертации по философии в МГУ в 1992 году (Галина Хотинская «Время как эстетический феномен» автореферат докторской диссертации МГУ. 1992).

Кроме того, мы предлагаем ввести понятие мультилингвальный континуум, мультилингвальная реальность, мультилингвальное событие, раскрываемое через поступок и поведение мультилингвальной личности, изучающей иностранные языки и интерпретирующей их.

Мультилингвальная реальность богаче способов и приемов трансляции мультилингвального опыта. Это событие, обеспечивающее сокровенность передачи уникальной социально ценной информации(жизнедеятельности), опыта отношений человека с языком, во всей её глубине и разнообразии вплоть до тончайших оттенков. Каналом коммуникации и общения, через который осуществляется этот процесс является отношение мультилингва к языку. В самом феномене мультилингвизма и изучаемый язык и изучающий его мультилингв находят друг друга в той естественной сфере, где осуществляется это со-бытие. Основными определениями мультилингвальной реальности как способа реализации общественной и индивидуальной потребности являются: идеальность, субъективность, инвариантность и со-бытийность. Инвариант мультилингвальной реальности связан с логикой идеальной предметности языкового содержания и принципами его выражения. Мультилингвальная реальность существует как особый мир, как динамическое единство много. В этом заключаются **парадоксы мультилингвизма.**

Мультилингвальные факты принадлежат к темпоральной реальности.

Мультилингвальная онтология – это особая феноменологияская онтология, которая описывает типические модусы, посредством которых феномен мультилингвизма является нашему сознанию. Посредством метода эйдетического варьирования можно понять сущностные инварианты мультилингвизма. Этот метод уже был знаком Декарту. С помощью гуссерлианского метода *epoché* (от греч.: остановка в суждении) постараемся понять мультилингвизм, обратившись к «самим вещам» «*Zu den Sachen selbst*» мультилингвального опыта, который уникален и который сам должен быть постоянно приобретаем, это опыт собственной историчности. В свете этого утверждения уникальной представляется саморефлексия Льва Гиммельзона.

На нашу концепцию мультилингвального кайротопа-кайрохора и хронохора в значительной степени повлияли взгляды великого русского просветителя и нашего земляка А. Н. Радищева, изложенные в его «Слове о Ломоносове, вошедшие в его знаменитую книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790), пробудившего мой интерес к изучению иностранных языков. Будучи мультилингвом, владея 7 иностранными языками, А. Радищев детально описывает сложности и барьеры при изучении иностранных языков. «Предверие учености, есть познание языков; но представляется, яко поле тернием насажденное, и яко гора строгим камнем усеянная. Глаз не находит тут приятности расположения, стопы путешественника, покойные гладости для отдохновения..... Тако учащийся, приступив к иностранному языку, поражается разными звуками. Гортань его необыкновенным журчанием исходящего из неё воздуха утомляется, и язык новообразно извивается принужденный, изнемогает. Разум тут цепенеет, разум без действия ослабеваает, воображение теряет своё крылие; единая память бдит и острится, и все излучины и отверстия свои наполняет образамми неизвестных доселе звуков. При учении языков всё отвратительно и тягостно. Если бы неподкупляла надежда, что, приучив слух свой к необыкновенности звуков, и усвоив чуждыя

произношения, не откроются потом приятнейшие предметы, то неуповательно восхотел бы кто вступить в столь строгий путь» Мы поражаемся меткости и тонкости наблюдений и образности в изображении трудностей овладения чужим языком. Но, преодолев все трудности, ученик вознаграждается и ему открываются новые горизонты, поскольку «Познанием чужого языка становимся мы гражданами той области, где он употребляется, беседуем с жившими за многие тысяча веков*(почти дословно это выражение через 200 лет употребит Хайдеггер в «Бытии и Ничто»)(Г.Х.)*, усвояем их понятия; и всех народов и всех веков изобретения и мысли, сочетаваем и приводим в единую связь»

В «Слове о Ломоносове» Радищев подчеркивал: «Познанием чужого языка становимся мы гражданами той области, где он употребляется, беседуем с жившими за многия тысячи веков, усвояем их понятия; и всех народов и всех веков изобретения и мысли, сочетаваем и приводим в единую связь...

Так о Ломоносов, получивший сведения латинского и греческого языков, пожирал красоты древних витий и стихотворцев. С ними научился он чувствовать изящности природы; с ними научился познавать все уловки искусства. Крыющегося всегда в одушевленных стихотворством видах, с ними научился изъяслять чувства свои, давать тело мысли и души бездыханному».

(А. Н. Радищев 1790. Путешествие из Петербурга в Москву. гл.2 «Слово о Ломоносове». Соч. т.1. с.382)

Известно, что все русские просветители были мультилингвами, владели как минимум 3-4 иностранными языками.

Безусловно проблема мультилингвизма близка проблеме мультиверсума (от лат. слова multi - viel(множество)(понятие ввел Г. Риккертс(H. Rickerts) по аналогии с понятием универсум) и указывает на ее многогранность в отличие от однозначности, обнаруживая её близость с теорией языковых игр Виттгенштейна, его философских исследований 1953 года о существовании множества различных, взаимодействующих между собой языковых игр со своими собственными грамматиками.

Мы предлагаем обратить внимание на следующие **каноны** мультилингвального герменевтического процесса.

Поскольку герменевтика находит и ищет смысл, в источнике, свидетельстве, в интерпретации объекта, и смысл следует выносить, а не вносить», мы, разделяя взгляды директора

Института теории интерпретации при факультете юриспруденции Эмилио Бетти в Риме, выделяем

четыре канона(четыре категории) интерпретативного процесса: два относятся к объекту интерпретации, два к субъекту интерпретации.

1 канон герменевтической автономии объекта:

Объект интерпретации – продукт человеческого духа, в котором наличествует некая формирующая интенция. Интерпретатор, ища этот смысл, уважая герменевтическую автономию объекта и его непохожесть, обнаруживает в открытии смысла нечто сокрытое, нечто находимое, а не то, что приносится извне при переводе.

2 канон когерентности, тотальности герменевтического рассмотрения(его критерии заложены в работах римского юриста Цельса и эпоху романтизма у Шляйермахера) обнаруживает реальное взаимоотношение и увязку различных частей дискурса между собой. Поскольку каждая мысль всегда находится в определенном отношении к целому, критерий когерентности указывает, что части текста могут быть поняты в свете целого, а текст может быть понят лишь в континууме с его частями, в уточнении деталей.

3 канон герменевтической автономии субъекта связан с критерием актуальности понимания. Интерпретатор не может снять свою субъективность до конца и идет к пониманию объекта, отталкиваясь от собственного опыта, транспонируя объект в его собственном духовном горизонте. Процесс понимания сообщает субъекту жизненную энергию, интенсивное индивидуальное начало.

4 канон соотносимости смысла, герменевтического консонанса и объективности понимания связан с поиском «духовного просвета», когда дух переводчика с духом создателя говорит, открывая подходящую перспективу для открытия и понимания и свидетельствует о конгениальности.

Этот канон можно именовать каноном смирения, поскольку он связан с решительным сдерживанием эгоистических интенций и с богатством и широтой горизонта интерпретатора, его умением принять цели объекта интерпретации как свои собственные.

Перевод – это безусловно и игра со смыслами, поскольку смысл предложений всегда связан с его соответствиям и несоответствиям возможностям существования или несуществования со-бытий. В «Философских исследованиях» и теории языковых игр Виттгенштейн дает суровую критику традиционных интерпретативных схем, рассматривающих язык как собрание имен, деноминатов и десигнатов объектов, названий вещей и лиц, объединенных логико-семантическим аппаратом связками «есть», «или», «если», «то». При этом задача понимания сводится к даче объяснений посредством данных дефиниций. Такие остенсивные дефиниции постулируют серию актов и ментальных процессов, образующих переход от языка к реальности. Мы видим, как тесно связаны между собой теории рафигурации (языкового изображения), логического атомизма и ментализма. В «Замечаниях по основам математики» Виттгенштейн пишет: «Полагают, что обучение языку состоит в наименовании предметов: людей, форм, цветов, болезненных состояний, настроений, чисел и т.д. Назвать их – словно прикрепить ярлык к вещи. Можно сказать, что так мы готовимся к употреблению слов. Так к чему же мы готовимся?

«Мы называем вещи и затем можем о них говорить, беседуя, можем ссылаться на них... В то время как способы действий с нашими предложениями многообразны. Подумай только об одних восклицаниях с их совершенно различными функциями. Воды! Прочь! Ой! На помощь! Прекрасно! Нет!» (Виттгенштейн Л. Философские исследования//Философские работы. Ч.1, М., Гносис, 1994, с.90).

Известно, что языковой игрой Виттгенштейн именовал совокупность языка и действий, в которые тот вплетается, в нашем случае речь идет об изучении иностранных языков.

Языковых игр бесконечное множество. Точно также бесконечны способы использования слов, знаков, пропозиций. Множественность не есть что-то фиксированное, данное раз на всегда. Одни игры рождаются, другие старея, исчезают. Само слово «Игра» указывает на то обстоятельство, что язык, говорение, будучи типом активности, составляют часть жизни.

Виттгенштейн говорил: «Отдавать приказы или выполнять их.. Решать арифметические задачи... **Переводить с одного языка на**

другой... Спрашивать, благодарить, проклинать, приветствовать, молить»(Витгенштейн.Л.М. .Гносис.с.91)

Понятие языковой игры было введено Витгенштейном не в целях «грядущей регламентации языка», а как указание на его альтернативные функции, которые посредством сходства и различия описывают и показывают употребление слов в контексте жизни, институтов и человеческого поведения. Витгенштейн был убежден, что язык –это не формальное единство, как мы воображали, а семейство конструкторов, более или менее похожих друг на друга. «Философия есть борьба против зачаровывания нашего интеллекта средствами нашего языка... Нас берет в плен картина. И мы не можем выйти за её пределы, ибо она заключена в нашем языке и тот как бы нещадно повторяет её нам.Когда философы употребляют слово «знание», «бытие», «объект», «я», «предложение», «имя» - и пытаются схватить сущность вещи, то всегда следует спрашивать:откуда оно родом?»(Витгенштейн Л. , Гносис. с. 97)

Именно эта мысль Витгенштейна чрезвычайно важна не только переводчику теоретику, но и практику.

При этом Витгенштейн уделял значительное внимание таким понятиям, как «мышление», «чувствование», «понимание», «значение», «намерение».

Для нашей концепции мультилингвизма важна идея Витгенштейна о «безобразном мышлении», близкая идеям Кюльпе и Бюлера, когда при помощи определенного способа представления «мы представляем себе нечто вроде образов международного языка и вместо слов предпочтительнее использовать картинки с тем, чтобы избежать непонимания на словесном уровне и способствовать созданию международного «универсального языка».

С проблемой мультилингвизма тесно связана идеи рождения, развития, совершенствования, изменения и отмирания языковых форм, грамматик и языковых игр.

Чем занят практически мультилингв?

Он знят переодеванием мысли с помощью другого языка. Мультилингв конструирует мир с помощью логического каркаса другого языка, обнаруживая диалектику целокупности

нераздельного единства, единораздельной множественности и единораздельной цельности в природе самого Слова.

Перевод с одного языка на другой протекает не путем перевода каждого предложения одного языка в предложение другого, а путем перевода лишь составных частей предложения. И если в словаре перевод дается не только имен существительных, но и глаголов, прилагательных, союзов и т.д. и все они рассматриваются одинаковым образом, при этом значение простых знаков(слов) должны быть нам объяснены, чтобы мы их поняли, то смысловое понимание достигается только с помощью предложений.

«В самой природе предложения, как говорит Виттгенштейн, - заложено то, что оно способно сообщить новый смысл и может передавать новый смысл старыми выражениями. Предложение повествует о некоей ситуации, следовательно, оно должно быть существенно связано с этой ситуацией. И эта связь состоит как раз в том, что оно является ее логической картиной....

Возможность предложения основывается на принципе замещения объектов знаками. Предложение может быть картиной ситуации, лишь поскольку оно логически структурировано».

Таким образом, раздвигая границы одного языкового мира, мультилингвизм приближает к личности отголоски неизведанных языковых миров и культур, расширяя культурное пространство мультикультурным объемом в завершенное единство, соединяя единичность и множественность, эмпирическое и трансцендентальное в пространстве индивидуального опыта.

А поскольку весь процесс употребления слов в языке можно представить в виде языковых игр, где язык переплетен с разнообразными действиями, язык можно ассоциировать с лабиринтом города, с некоей формой жизни, с лабиринтом путей и т.д. и совместное поведение людей это та референтная система, с помощью которой мы интерпретируем незнакомый язык.

Язык – это инструмент и его понятия инструментальны.

Язык – игра, а значение слова есть его употребление в этой игре. Существуют грамматические правила пользования словесными играми. Следовать грамматическим правилам – все равно что подчиняться правилам игры, вступать в общение. Правила, образующиеся в результате дрессировки, социальны по своему

характеру. «Значение слова – это его употребление в языке. Язык действует на фоне человеческих нужд в определенной человеческой среде... Не ищите смысл, а ищите его употребление.....Я освобождаю вас, таким образом, от ментальных судорог, чтобы вы смогли осмотреть пространство использования слов и выражений и описать различные другие типы употребления». Философия, как и психотерапия, врачует языковые болезни. Какова твоя цель в философии? – Показать мухе выход из мухоловки» (Витгенштейн.Л.с.186)

Как известно, Витгенштейн сам преподавал в трех небольших австрийских селениях в течение шести лет в начальных классах, составив уникальный словарь альпийского диалекта и разработав уникальные методики преподавания диалекта в опоре на математику, биологию, астрономию и историю.

Природу мультилингвизма помогают уяснить исследования письменного дискурса разных языков как основных кодов коммуникации, а также разнообразные работы по проблемам интерпретации, теоретическим аспекта

Разрабам герменевтики.

О многогранной природе языка размышляли Бэкон, Гоббс, Лейбниц, Локк, Декарт, Вико.

Важными для постижения природы мультилингвизма являются идеи В. Гумбольдта о самодостаточности языка, о тождестве духа народа и его языка, (язык – это промежуточный мир между народом и объективной реальностью, это область, лежащая между миром внешних явлений и внутренним миром человека».

Русский учёный Густав Шпет в «Эстетических фрагментах», следуя за В. Гумбольдтом, исследовал структурные уровни слова не с точки зрения морфологического, стилистического или синтаксического построения, а отталкиваясь от его эстетической сущности(формально-идеального)предмета.

«Язык, писал В.Гумбольдт, -стимулирует человеческую духовную силу к постоянной деятельности.....можно говорить о стремлении воплотить идею совершенного языка в ЖИЗНЬ»(В.Ф.Гумбольдт.О различии строения языков и его влиянии на духовное развитие человечестваИзбранные труды по языкознанию М.,1984с.52)

Разрабатывая понятие внутренней формы языка, Гумбольдт ставит вопрос о соотношении языка и поэтики. И если Гумбольд не признает в языковых формах наличие логических форм, то

русский мыслитель Шпет изучает соотношение особых форм языкового многообразия с «чистыми» мыслительными формами. Поскольку понятие «внутренней формы языка» не устраивало Шпета, он его трансформировал в понятие «внутренней формы слова». В число первых уровней чистого предметного осова словесной структуры он помещал фонетические и морфологические формы. И если фонема не обусловлена смыслом, то морфема как звуковое образование, уже несёт смысловую нагрузку. Удачное применение слова в поэтической речи» напоминает нам о живом духе, бьющемся под окаменевшими морщинами морфемы» (Шпетт Г.Г. Эстетические фрагменты. Соч. М., 1989с.389)

Эти идеи Гумбольдта и Шпета прежде всего важны для теории и практики художественного перевода.

Актуальны для мультилингвальной теории и для теории и практики художественного перевода идеи Ф. де Соссюра, связанные с применением структурных методов.

Нельзя обойти вниманием поиски Леви-Стросса, Дерриды, Фуко, Лакана, Барта, Рикёра, Ч. Морриса, Р. Карнаппа, А. Тарского., известных теоретиков оксфордской и кэмбриджской аналитической школы таких, как Г. Райт, Д. Остин, П. Стросон, Г. Харт, С. Тулмин, Д. Пирс, А. Монтефиоре, Дж. Уорнок, А. Айер.

Выскажем предположение, что мультилингвальная реальность детерминирована «парадоксами» мультилингвизма и имплицитно вбирает в себя закономерности и механизмы, данные человеку от природы и обретенные им в его культурной и социальной практике.

Мультилингв как бы вбирает в себя всю мозаику языковых миров, создавая целостное и интегральное представление о мировом языке как бы имея в сознании идеи универсальной грамматики.

Ноам Хомский был убежден, «универсальная грамматика есть набор принципов, характеризующих класс возможных грамматик, определяющих способ частных грамматик». В книге «Разум и язык» Н.Хомский писал: «Знать язык значит уметь приписывать семантическую и фонетическую

интерпретацию глубинной структуре и выделить связанную с ней поверхностную структуру».

Для теории и практики художественного перевода чрезвычайно важны постулаты Хомского из его знаменитых «Синтаксических структур», где показано, как из простейших(ядерных фраз) путем трансформаций можно получить сложные фразы, а также его идеи глубинных и поверхностных структур, изменяющих синтаксические связи внутри фраз в соответствии с правилами каждого языка.

Создать алгебру каждого языка, как известно стремился Луи Ельмлев – лидер копенгагенского лингвистического кружка.

Азбукой мультилингвизма можно считать труды Пражского лингвистического кружка, основанного в 1926 году и представленного трудами блестящих русских ученых Н. С. Трубецким, шестнадцать лет преподававшим в Венском университете, а также исследования Романа Jakobsona и Сергея Карцева.

В дискурсивных практиках постмодернистского дискурса содержится ряд любопытных наблюдений над природой языка, постановкой проблемы референции(соотнесенностью слова с внеязыковой реальностью).

Э. Бенвенист определял дискурс как массу текстов, воспроизводящих речь и организующих речевое производство.

В «Объяснительном словаре теории языка» А. Ж. Греймаса и Ж. Курте имеется подробное обоснование понятия дискурс, которое имеет непосредственное отношение к теории и практике художественного перевода. Оба исследователя отождествляют дискурс с семиотическим процессом.

Следовательно, для мультилингвизма важны многообразные дискурсивные практики(разнообразные способы словесного поведения). Поскольку мир опосредован языком и видится через язык (достаточно вспомнить виттгенштейновское «Границы моего языка означают границы моего мира» (Логико-философский трактат. м.,1958), то проблема мультилингвизма напрямую связана с методологическими аспектами практики художественного перевода. В этой связи следует отметить деятельность русских переводчиков и комментаторов Плотина Г.М.Малеванского,

А.Ф.Лосева, , М.А.Гаранцева, а также западных А.Кирхгоффа, Анри и Швицера).

Ключевыми понятиями для постижения феномена мультилингвизма являются **письмо, текст и эрудиция**. В этой связи интересно исследование Фридрика Бодмера «Языки мира. История грамматики словарного запаса мировых языков в сравнительном аспекте»(1960), а также труды Бодуэна де Куртене –лингвиста, автора многих работ по языкознанию и славянской филологии, редактора «Толкового словаря» Даля.

Представляют интерес наблюдения Л. С. Бархударова, рассматривающего текст как единое целое в аспекте перевода подлинника и перевода как результат тождества семантической информации, содержащейся на уровне текста, а не его отдельных частей. С этими положениями коррелируют мысли И. Р. Гальперина о снятии в тексте энтропии, порождаемой отдельными предложениями.

Постмодернизм, как известно, интерпретирует текст как арену интертекстуальных игр, как веер равноценных интерпретаций, что на наш взгляд, недопустимо.

Мы разделяем диалогический подход к тексту М. Бахтина, поскольку текст невозможно понять со стороны вне диалога.

Важным для нашей концепции мультилингвизма представляются идеи Г. Вайнриха об обговариваемом и рассказываемом мире(*besprochene und erzählte Welt*)как различных способах видения мира через промежуточный языковой мир(*sprachliche Zwischenwelt*) (Weinrich H.Tempus, *besprochene und erzählte Welt*. Stuttgart,1964).

Для нас важны также положения П. Рикера об особой жизни художественного произведения, где мы вслед за французским ученым выделяем три этапа, каждый из которых можно обозначить словом мимесис: мимесис-1, мимесис- 2, мимесис- 3. Реконструируя целостность операций, с помощью которых слово одного языка берет начало в смутных глубинах жизни одного народа, мы можем проследить, как происходит его перекодировка в структуре художественного произведения на уровне другого языка(мимесис- 2, где текстовая конфигурация становится посредницей между префигурацией(простой последовательностью событий) практического поля и его

рефигурацией(трансформации в восприятии произведения, а в мимесисе- 3 произойдет пересечение конфигурированного мира одного языка и мира другого языка и состоится рождение смысла Слова в новом языковом опыте, благодаря плодотворному диалогу культурных миров.

Напряженная жизнь мультилингва восстанавливает систему социально детерминированных языковых практик в опоре на знаковую функцию языка на практику «означения».

Захотеть помыслить мультилингвизм – значит вступить, перефразируя М. Хайдеггера, « в говор языков», и тогда язык «проговорит нам свою сущность.» А говорить на языке - это значит найти прибежище сущности языка». По Хайдеггеру, «язык как таковой - это индивидуальное царство, из которого человек вышел, но к которому он прикован цепями»(Хайдеггер Язык.С.4)

Поскольку мультилингв не прикован цепями к одному языку, то ему открывается вся многомерность и неповторимость бытия разнообразных языков мира. Мультилингв предлагает уникальную стратегию вслушивания в эти языки.

В работе «Актуальность прекрасного» Гадамер отмечал:

«С изучением языка, с нашим вращением в родной язык мир становится для нас членораздельным»(с.29)

В опыте мультилингва всегда присутствует глубинный смысл многогранного, многозначного языкового опыта, когда он постоянно испытывает преобразующее воздействие слова. Неслучайно Павел Флоренский говорил, что «Слово – это конденсатор воли, конденсатор внимания, конденсатор всей душевной жизни, оно уплотняет её»(Флоренский.У водораздела мысли.с.264).

Н. Гумилев в сжатой стихотворной форме сказал об этом так:

Потом мои стихи о Слове.

Безусловно прав был В. Гумбольдт, рассматривавший язык как «одновременно дело и действенную силу, соборную среду. Антиномическое совмещение необходимости и свободы, создание духа народного и Божий народу дар, как жребий. Как некое предназначение его грядущего духовного бытия».

Разделяя положения Гердера о связях между языком и национальным характером, Гумбольдт утверждал , что у любого

языка есть собственная типичная и вместе с тем особая структура, которая с одной стороны, отражает, а с другой – обуславливает способ мышления, будучи формой выражения нации. Цепочка мыслей связана с цепочкой слов. Изучив множество языков индоевропейской группы: китайский, малайский, бакский, семитский и языки коренных жителей Америки, пораженный структурным разнообразием идиом, Гумбольдт пытался установить связи между языком и менталитетом. «Природа языка состоит в переплавке чувственной материи мира и слов в печать мыслей... языки не средство представления уже познанной реальности... они служат средством открытия доселе неизвестной реальности. Разница между ними не в звуках и знаках- это разница оптического свойства, взглядов на мир».

Еще в конце XV-XVI века было обнаружено родство санскрита(священного языка древней Индии) с латинским, греческим и другими европейскими языками. Английский востоковед сэр Вильям Джонс в 1786 году, независимо от других ученых, пришел к тому же выводу: «Европейские языки, возможно, произошли от одного протоязыка, которого больше нет». Из Пражской национальной школы восточных языков, основанной в 1795 году Фридрих Шлегель запрашивал материалы для своей известной книги «О языке и мудрости индусов»(1808).

Поиском серьёзных доказательств и сравнительным анализом языков занимался Франц Бопп, изучавший в Париже 19 века персидский, индийский, арабский и еврейские языки. Его работа «Система спряжения в санскрите в сравнении с таковою в греческом, латинском, персидском и германском языках» вышла в 1816 году.

Датский учёный Размус Раск в 1818 году получил сравнительные данные при изучении структуры греческого, латинского, германских, балтийских и славянских языков(санскрита он не знал).

Франц Бопп, опубликовавший «Сравнительную грамматику» в 1849 году и переиздав в 1857-1860 с дополнениями) проанализировал санскрит в связи с греческим, персидским, германским, а позже с литовским и старославянским языками.

Богатый результатами фонетический анализ германских языков дал Якоб Гримм в «Немецкой грамматике»(1822), создав закон Гримма, описывающий регулярные соотношения между индоевропейскими и германскими шумными. Это было настоящее открытие, т.к впервые были получены примеры регулярности языковых изменений, что положило начало исторической лингвистике.

Против романтической идеи существования некоего протоязыка выступали ученые неограмматики, искавшие идеальную систему не в прошлом, а устанавливая точные данные на основе одной языковой семьи.

Знаменитый младограмматик К. Брукман упрекал компаративистов в неуважении к новым продуктам лингвистической эволюции». «Вместо изобретения гипотетических символов «оригинального» лингвистического происхождения лучше придерживаться имеющихся в нашем распоряжении документов и, опираясь на них, составить общее представление о развитии языковых форм». Пять томов исследований К. Баумгартена и Б.Дельбрюка увидели свет в 1886-1890 годах под названием «Очерк сравнительной грамматики индоевропейских языков».

Кстати, основы европейского востоковедения были заложены российскими учеными, еще начиная с 1705 года(об этом я писала в ряде статей на немецком языке: Galina Khotinskaya-Kalies. Der wissenschaftliche Beitrag Russlanddeutschen zur russischen Ostasienforschung.//Heimatbuch 2003-Landsmannschaft der Deutschen aus Russland.S.116-118.

Galina Khotinskaya-Kalies.Russische Ostasienforschung.// Mitteilungen der Humboldt-Gesellschaft für Wissenschaft, Kunst und Bildung.Folge 37.Oktober 2005.

Кроме того я опубликовала ряд работ о русских переводчиках Гете, таких как О.Козодавлев, Тургеневе, Жуковском_ Гретче, Кюхельбекере, Тургеневе, И. Губере (см.одну из моих работ на НЕМ.ЯЗ.: Galina Chotinskaja-Späte deutsche Aufklärung an der Wolga-//Volk auf dem Wege-6/98-S-39-

Следует обратить внимание на ментальный эксперимент радикального перевода американского философа **У. ван Ормана Куайана**, сторонника методологического холлизма и бихевиаристской теории значения («Перевод с логической точки зрения»)(1953),«Слово и объект»(1960), (у меня также имеется ряд публикаций о холистическом методе интерпретации и целостности восприятия художественного текста)

Радикальным переводом Куайан называет «перевод ушедшего в прошлое языка, основанного на поведенческой очевидности и без опоры на словари». Куайан воспроизводит ситуацию, когда лингвист должен перевести выражение с языка народа, развивавшегося вне контекста с нашей цивилизацией. «Гавагай», скажет человек, указывая на бегущего зайца. Лингвист, переведя слово «гавагай» как «заяц», не будет использовать словари и прибегать к помощи интерпретаторов. Он оттолкнется от ситуации стимула и попытается сравнить его и наше поведение при появлении зайца.

В радикальном переводе сопоставляются вовсе не значения слов. Лингвист не имеет перед собой словесные смыслы наподобие произведений искусства в картинной галерее. И слова отнюдь не функционируют в роли этикеток. Сделать их вещами, т.е. конкретизировать коннотаты (смыслы, значения) и попытаться свести перевод к таким конкретным единицам – значит довольствоваться галлюцинациями. Это подтверждает ментальный эксперимент радикального перевода. В «Онтологической относительности» Куайан пишет: «Смыслы на деле связаны не с ментальными состояниями, а со стимулами... Смыслы отсылают к поведению. Нет сигнификата в виде идеи, а есть смысл как поведенческий ответ на стимул...

Язык есть социальное искусство, которого мы достигаем на основе очевидности демонстрируемого поведения в социально опознаваемых обстоятельствах».

Посредством экспериментальных ситуаций, реализованных в бихевиористской перспективе и структурированных вокруг оси стимул-реакция, лингвист создает некий «словарь перевода» и «аналитические гипотезы» для установления сети корреляций между словами и выражениями туземца и своими собственными словами и выражениями. Возможно объект, к которому прилагаются термины, всего лишь временные сегменты того, что мы называем «зайцем», и ситуация, стимулирующая дать положительный ответ на «гавай», совпадает с той же, что и со словом «заяц».

Когда от тождества смысловых стимулов «гавай» и «заяц» лингвист умозаключает об их соответствии, то делает это потому, что туземец похож на нас, чтобы иметь общее краткое понятие зайца вообще, а не для отдельных его частей.

Лингвист не переводит смыслы и термины выражений с языка туземца на свой собственный, он проектирует свои концептуальные схемы, ОЖИДАНИЯ И ПРИВЫЧКИ НА ПОВЕДЕНИЕ ТУЗЕМЦА. этом заключается принципиальная неопределенность перевода.

Ментальный эксперимент радикального перевода показывает, что суть перевода не в сопоставлении сигнификатов(смыслов, или коннотатов) и слов с вещами.Смыслы суть поведенческие позиции.» Нет ничего в смысле, чего не было бы в поведении» Правила перевода неопределенны, и такая неопределенность есть неопределенность принципиального свойства. В очерке «Философский прогресс в теории языка» Куайн пишет об относительной тотальности проверенных и непроверенных диспозиций: «От этой неопределенности можно избавиться посредством свободного выбора, в том числе и бессознательного, и с помощью аналитических гипотез перевода. Неопределенность не означает неосуществимости перевода, это скорее принципиальный вопрос бегства от коннотатов и «мифа о галерее».

Значение слов и выражений зависит от их языкового использования сообществом и связано принципом неопределенности перевода и бегством от коннотантов.

Чарльз Моррис, проанализировавший семиотику как общую науку о знаках и разработавший теорию семиозиса(«Знаки, языки и поведение»(1946),»Обозначение и смысл. Изучение отношений знаков и ценностей»(1964), обращал внимание на три важных компонента:

- 1) знаковый проводник;
- 2) десигнат;
- 3) интерпретатора.

В семиозисе есть некто, кто понимает другого опосредованным образом. Семиозис- это осознание посредством чего-то. Посредник есть знаковый проводник, осознание есть интерпретация, действующее лицо интерпретатор, предмет осознания –десигнат.

Ученик Уайтхеда и Куайана, создатель каузальной теории действия Дональд Дэвидсон написал известную работу «Исследования истины и интерпретации(1984), в которой изложил концепцию уточняющего и улучшающего понимания: «Сделать явными общие черты языка равнозначно проявлению

общих черт реальности и тому, чтобы разделить общий на неё взгляд».

Мультилингвы, наделенные великим и прекрасным Даром постижения Слова, являются хранителями ресурсов культуры и разделяют общий взгляд на реальность.

Мультилингвами были великие русские просветители Н. И. Новиков, Ломоносов, В. К. Тредиаковский(переводил с лат. и нем. языков, а также «Телемахида»), А. П. Сумароков, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, П. А. Вяземский, А. Н. Радищев, А. С. Грибоедов, А. А. Бестужев-Марлинский, Г. Лемонте, И. А. Жуковский(переводы Гомера), П. Н. Катенин(переводил трагедию Расина «Эсфирь»), И. В. Киреевский, В. Кюхельбеккер, М. П. Погодин, А. А. Дельвиг, С. Т. Аксаков, А. И. Герцен, Лермонтов М. Ю., Гнедич(переводы «Илиады»), Баратынский, А. Григорьев, А. Майков, Н. Полевой (переводчик Шекспира), энциклопедист Н. Г. Чернышевский, Ордынский(переводчик Аристотеля), Мартынов, Шестаков(переводчик Плавта), Шершеневич(переводил «Энеиду» Вергилия), И. Генслер(переводил Гейне), Н. Берг(переводчик Мицкевича), А. Гильдерфинг, написавший также «О сродстве языка славянского с санскритским.

История балтийских славян(
ВСТАВКА С.440 об А.Гильдерфинге
(Карл Маркс, и Ленин, и Д. Лукач(переводил Гегеля, Шеллинга, Шопенгауэра, Кьеркегора, Достоевского) Поль Рикёр(переводил Карла Ясперса и «Идеи чистой феноменологии» Гуссерля), М. Райх-Раницкий, **К. И. Чуковский**, написавший ряд трудов по художественному переводу:«**Принципы Художественного перевода**»М., 1940)

Педагогический опыт Витгенштейна, семиотический опыт Лейбница, Морриса, Ч. Пирса, Б. Рассела , Буле, Пеано, Уайтхеда, Карнапа, также, как и опыт известных мультилингвов (д.ф.н Юдакин А.П., активно владеющего навыками более 120 языков)(АН СССР), Аверинцев С. С, Лосев А. П., Тахо-Годи М. А., Карельский А. В., Вебер В., Химмельзон Л., Израилевич В. и др.) чрезвычайно важен в усложненном глобализирующемся постоянно меняющемся универсуме. Это своеобразный тезаурус интерсубъективной коллекций знаний об синтаксических, семантических и прагматических правилах языка человеческого общения.

Согласно философии языка Сергея Булгакова, изложенной в его «Философии слов» („Was ist das Wort?“ Festschrift T-G-Masaryk zum 80 Geburtstag), «множественность языков не исключает единства «внутреннего слова».

Разрабатывая концепцию мультилингвизма, обращенную против панцыря догматизма в изучении иностранных языков, подчеркнем, что она продиктована бахтиновской тоской по культуре.

Разделяя персоналистскую идею Н. Бердяева, мы в разработке концепции мультилингвизма призываем к целостной разработке многообразных инновативных концепций для ведения полифонического разговора с многогранным сегодняшним миром.

Наши усилия направлены на создание интердисциплинарного консорциума ученых для совершенствования весьма конкретного и очень важного дела современной культурной жизни.

А поскольку «язык как просветляюще-утаивающее явление самого бытия», «язык как осуществляемый бытием и пронизанный его строем дом бытия», разверзает сущее, выводя сущее в явление (М. Хайдеггер), он, по словам Сартра, не просто «феномен, добавленный к бытию-для-другого, а есть изначально бытие-для-другого», он, следовательно, есть опыт обычного человеческого разговора, возведенного в ранг бытийственного откровения, когда собеседники открываются перед лицом другого, становясь впервые самими собой, являя предметный мир и несказанный первоисток языка - Бога.

Включаться в мультилингвистический диалог – это значит разговаривать на другом языке, проговаривать мысли на другом языке. И, как говорил Франц Розенцвейг, «разговаривать - значит разговаривать с кем-то и думать за кого-то, причем этот кто-то всегда является определенным субъектом, имеющим не просто уши и слух, как это было у общности, но также рот и способность ГОВОРИТЬ» (Franz Rosenzweig. Das neue Denken. In der Morgen, 1(1925), Heft 4, S-152.)

Весьма любопытна концепция Ейгена Розенштока – создателя науки метаномики, в основе которой лежала концепция бытия, порождаемого человеческим языком. Розеншток был уверен, что

в центре креста реальности Вселенной находится говорящий на многочисленных языках человек. Он полагал, что все болезни человека связаны с его языком, что он не выговорился до конца. Создав миф о всемогущем и всепроникающем языке, Розеншток(будучи доктором богословия в Мюнстере), задумывался над тем, какая сила заставляет людей говорить на разных языках.

И в этом смысле весьма примечателен опыт В. Н. Набокова, который не только писал, но и переводил стихи и прозу на английский язык, достаточно упомянуть его переводы «Евгения Онегина», снабженного подробнейшими историческими, просодическими и литературоведческими комментариями, а также его переводы «Героя нашего времени», «Слова о полку Игореве», переводы многих стихов Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, Мандельштама, Ходасевича, А.Белого и др. Он пишет специальное эссе «Об адаптации», где оспаривает перевод Роберта Лоуэлла знаменитого стихотворения Мандельштама «За гремучую доблесть грядущих веков» и весь метод «адаптации» в целом. Чрезвычайно актуален переводческий опыт А. Тарковского, И. Бродского, Левика, А. М. Эфроса, Н. А. Львова, И. И. Виноградова, И. А. Крылова, М. С. Кайсарова, Р. Т. Гонорского, Н. И. Бутырского, А. Г. Шпиготского, И. И. Козлова, И. П. Крешева, А. Н. Майкова, В. П. Буренина, П. П. Гнедича, Д. Е. Мина, Ореста Головина, К. Н. Льдова, Д. С. Мережковского, М. М. Гербановского, О. Н. Чуминой, И. А. Бунина, Н. М. Соколова, И. П. Капниста, Ю. Н. Верховского, И. А. Гриневской, В. Н. Крачковского, В. И. Иванова, В. Я. Брюсова, Г. А. Блока и О. Э. Мандельштама
VSTAVKA (85 Str)

Для теории и практики мультилингвизма весьма важны исследования, посвященные проникновению одного языка в другой с точки зрения глоттогенеза, а также исследования по мультилингвизму, проводимые на интердисциплинарном уровне людьми разных специальностей: математиков, лингвистов, программистов, логиков, радиоинженеров, семиотиков, разрабатывающих универсальный семантический код исходя из категорий языка.

Частным проявлением мультилингвизма является **билингвизм**. Самым известным билингвом России был Александр Сергеевич Пушкин, прозванный лицейскими друзьями «французом».

Билингвистический ландшафт всегда производит присутствие двух универсумов и оставляет ощущение подвешенности между двумя мирами, связанными с природой двух языковых миров их сопротивляемостью друг другу, когда состояние подвешенности - suspension позволяет по ту сторону данности открыть новые горизонты невиданного, двойное измерение предмета в мистическом созерцании и творении языкового феномена.

В проблеме билингвизма – в этом привычном и поверхностном событии сокрыт тривиальный факт повседневного существования человека, вынужденного жить в языке, данном ему от рождения и в языке среды обитания..... или это тайна, таинство, чудо невозможного или благоприобретенного?

Всякий переход в другой язык предполагает второе рождение, и, как заметил М. Хайдеггер, этот переход, это второе рождение и есть «узкие врата, охраняемые Ужасом, означающим рождение и смерть, и третье рождение- переход к Абсолютному Другому».

И можно ли к билингву отнести ремарку Ж.- П. Сартра об «окаменевании под взглядом Другого», характеризующего суть мифа о Горгоне, или цитируемое Хайдеггером, гёльдерлиновское:

«Знак бессмысленный мы, мы не чувствуем боли
И почти забыли язык на чужбине»

Проблема билингвизма связана с проблемой семантических универсалий, тех элементарных понятий, общих для всего человеческого рода и находящихся выражение на любом языке.

И, следовательно, миф о Горгоне необходим билингву? Ведь для того, чтобы поразить Горгону, Тезей должен быть смотреть на её зеркальное отображение в своём медном щите, т.е. чтобы выносить другого нужен либо медный щит, либо зеркало. А что касается гёльдерлиновского, то билингв врачует боль родным языком на чужбине.

Билингв – это человек, внутри которого всегда присутствует взгляд Другого. «Признание роли Других, по словам Умберто

Эко, «необходимость уважать те же их потребности, которые мы считаем неукоснительными для себя – результат тысячелетнего развития».

Билингвистический духовный опыт - это опыт пребывания в обоих языковых мирах. В языковой реальности билингва выделяются два момента: «Я и родной язык» и «Другой Язык» как объекты познания, и языковая личность, как организатор места встречи различных языков. Языковая личность и есть то благодатное поле, где прорастает контакт и встреча культур и взаимодействие языков.

Как возможно такое, когда человек постоянно кочует из одной языковой парадигмы в другую и чувствует себя всегда дома? Всегда ли безболезненно осуществляется это переход ? А, быть может, происходит то, как замечает Виттгенштейн, «язык переодевает мысли» и, именно в этот момент, возникает «мультиуниверсум творения», «мульти-культи»-встреча в сознании билингва, то состояние , которое Лейбниц именовал «мультиверсией (множеством возможных миров)»?

Билингв – это существо всегда соблазненное и совращенное другой культурой, музыкой, ритмом и ладом другого языка и, он абсолютно соответствует теории симулякров Жана Бодриера о том, что всякий дискурс и всякий опыт соблазняет и совращает.

Билингв обладает основным свойством симулякра - скрывать свой сокровенный опыт своей сверхдемонстративностью, и именно, это состояние М. Мамардашвили именовал «чудом мысли», или, по замечанию В. Фриауфа, это и есть «апофатическая бездна Абсолютной Друговости» (кстати, В. Фриауф руководил семинаром «Язык – сознание - человеческая реальность» в лаборатории «Моделирование образовательных процессов» СГТУ в начале 90-х годов XX века.

Г. В. Розанов в книге «Путь к новым смыслам» ввел понятие-оператор «Пси-функция по считыванию Имени». Думается, именно эта пси-функция имеет непосредственное отношение к состоянию билингва, его особой билатеральности, состоянию

той магической зазеркальности, когда происходит парадоксальная связь Друговости с тайной Боговоплощения, когда родное слово становится зерном, а другой язык - почвой, на которой родное слово прорастает в новом качестве, обогащенное новыми смыслами.

И, если вспомнить Марио Вандружку, то в настоящее время нет монолингвальных(одноязычных) сообществ. Основными чертами современного языкового ландшафта является несовершенное многоязычие и многоязычное несовершенство. Чужой язык постоянно проникает в повседневную жизнь в виде интернациональных слов, научно-технических терминов, слэнга и т.п.

В эпоху глобализма многоязычный человек – это хранитель культурного наследия и странноведческих реалий, посредник между различными народами и этническими группами. Возрастают требования к специалистам в области контактов с зарубежными партнерами в узкоспециальных сферах экономики, промышленности и науки.

Современные исследователи говорят о необходимости разработок особых методик и моделей билингвального обучения для билингвальных детей и становлению билингвизма у одноязычных детей, модели двуязычного обучения, направленные на сохранение языка национального меньшинства или же модели, переучивающие с языка эмигрантов на язык большинства в соответствии с разнообразными методическими подходами к организации обучения, достаточно сослаться на концепцию «Европейской школы» Евросоюза.

Билингвизм тесно связан с пониманием этнокультурного самосознания, которое развивается в настоящее время в трёх направлениях: **примордиализма**, связанного с идеями исконности этнообразующих признаков; **инструментализма** - использование этничности в сфере политической и социальной конкуренции с максимальной материальной выгодой и **конструктивизма** (использование этничности как социального конструкта с символическим пространством и целенаправленной

деятельностью), дающего чувство эмоциональной безопасности. Большинство билингвистических методик рабатывается по этим трём направлениям.

Россия обладает уникальной традицией билингвального обучения(об этом я писала в трёх своих статьях в 1990 году, когда работала в институте Славистики Кёльнского университета и выступала на многочисленных конгрессах в Германии и Франции. Статьи эти опубликованы на немецком и французском

и английском(см. : Mitteilungen der Humboldt-Gesellschaft für Wissenschaft, Kunst und Bildung. Folge 37. Oktober 2005: Galina Khotinskaya-Kallis. „Der wissenschaftliche Beitrag der Russlanddeutschen zur russischen Ostasienforschung“. S. 24-32; auch Vortrag in Frankreich in Universität von Lumiere: Fremdsprachenunterricht in Russland und UdSSR-1990. 20 S.)veröffentlicht in Wissenschaftlichen Berichten von Universität von Lumiere); Das Zusammenwirken der Deutschen mit östlichen Kulturen im Wolgagebiet//Fremde in Deutschland. Kulturkontakt- Kulturkonflikt. Zeitschrift für Kulturaustausch.1991/1.S.161-162.; Der sprachliche Chronotop und Formen des sprachlichen Denkens.// Mental Work and automatization.Lnd.1992,(10.S.)

Проблема билингвизма включает в себя и стандартные нормы, и просторечия, и диалекты, и жаргоны, то, что связано с проблемой общенародного и общенационального в языке, а также реальное речевое употребление, характерное для разговорной речи. В этом смысле уникальным методическим подспорьем оказываются словари современного интержаргона асоциальных элементов. Среди таковых работ хотелось бы назвать словарь «Русская Феня». Владимира Быкова. Траст. Имаком. 1994 и другие словари, которые хорошо описаны в предисловии указанного автора. Эти источники оказываются хорошим подспорьем в постижении феномена билингвизма, который является порганичным в культуре и интересно вскрывает особенности семантических транспозиций, обусловленных спецификой фоновой информации. Над сводным двуязычным словарём русских жаргонов и просторечия, как известно, трудится Европейская коллегия переводчиков в Штарлене (Северный Рейн-Вестфалия). О том, что жаргон бывает посложнее иностранного языка великолепно демонстрирует кинокомедия «Джентельмены удачи».

Не потеряла своей актуальности для постижения метафизики билингвизма теория дореволюционного грузинского мыслителя Я. Гогешавили с его принципом посильности и постепенности при заучивании слов и правил иностранного языка.

Понятие естественный билингвизм связан с условиями естественного языкового окружения, через коммуникацию. Естественный билингвизм органично вписывается в коммуникативную иерархию ценностей индивида, образуя в

структуре головного мозга специализированную лимбическую структуру. А если второй язык осваивается через осознанное усвоение, то в коре головного мозга включаются механизмы, как и при изучении таких предметов, как математика, физика, биология, химия, когда подключаются кортикальные структуры головного мозга.

Естественный билингвизм возникает в местах компактного проживания национальных меньшинств, стремящихся сохранить родной язык и родную культуру. При этом носители родного языка хотят успешнее овладеть языком коренного народа, либо окружения, с тем чтобы легче приобщиться к его культуре и науке.

Тонкие наблюдения о билингвизме содержатся в работе А. Н. Штуккерт «Педагогическое образование в системе национальной школы немцев Поволжья»(1998) (Кандидатская диссертация по специальности: Общая педагогика).

А. Штуккерт интересовало мотивированное двуязычие: пассивный, по преимуществу ненормативный билингвизм, а также билингвизм в условиях, когда родной язык развивается в рамках стихии диглоссии(диалект-литературный язык).

Пассивный билингвизм предполагает частичное или неполное владение вторым языком и, в известной степени, приближается к монолингвизму. Ненормативным билингвизмом именуют пользование двумя языками с нарушением норм того и другого. Диглоссия, предполагающая сознательную оценку говорящим двух форм одного языка в разных функциональных сферах.

Метафизику билингвизма проясняют классические суждения Э. Бенвениста о многомерном своеобразии языка, а также положения «лингвокультурологов» и этнопсихолингвистов таких, как А. А. Шахматов, А. А. Потебня, А. Н. Афанасьев, А. И. Соболевский, В. Н. Телия, Ю. С. Степанов, А. Д. Арутюнов, В. Воробьев, В. Шаклеин, В. А. Маслова, владеющих билингвальными навыками и выявляющих в своих исследованиях глубинные народные стереотипы и картину мира народов в связи с породившим их языком.

Для билингвистики подходы лингвокультурологических школ должны быть основополагающими (школа В. Н.Телии, школа А. Вежбицкой (Lingua Mentalis) с её имитацией речедеятельностных ментальных состояний говорящего, а также развивающая концепция В. В. Воробьева и В. М. Шаклеина, базирующаяся на идеях Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова.

А. Штуккерт, исходя из понятия «естественного билингвизма», утверждает, что билингвальное образование – это такая организация процесса усвоения систематизированных знаний, умений и навыков, когда становится возможным использование двух языков в качестве:

- а) предмета изучения;
- б) средства обучения и развития мыслительных способностей.

Исследователь дала убедительные примеры из архивных материалов газет немцев Поволжья (1918–1941гг.) таких, как «Unsere Wirtschaft», «Wolgadeutsches Schulblatt», „Nachrichten“. На страницах этих изданий публиковались дискуссии о необходимости преподавания ряда предметов на литературном немецком языке, ряда на русском и ряда на диалекте немецкого языка.

Выдающийся диалектолог, этнограф, профессор и проректор Немединститута Г. Г. Дингес откликнулся на эту дискуссию книгой «О наших диалектах» и выступил на страницах газеты «Unsere Wirtschaft» статьей « Литературный язык, наречие и сельская школа».

В диссертационном исследовании Штуккерт уделено пристальное внимание разным методическим приёмам, таким как живая речь, наглядность, заинтересованность, использование вспомогательных средств, творческое использование элементов комплексной системы при обучении родному и второму языку, учёт психологических особенностей, о роли музыки в обучении языкам, о научной обоснованности и преимуществах прямого(натурального метода) при изучении второго языка, о значении метода полных слов в деле первоначального обучения чтению на родном языке, методики обогащения словарного запаса учащихся, методики усвоения правил построения

словосочетаний и предложений, методики овладения навыками связанной речи в её устной и письменной формах. Методики по овладению норм литературного произношения и выразительного чтения, методики доступности, простоты и точности выражения. Уже в то время в основу работы по развитию речи учащихся как немецкому, так и русскому языку были положены принципы единства развития мышления и речи, побуждающих учащихся обращать внимание на содержание и форму речи, поэтому большое внимание уделялось навыкам составления планов, конспектов, тезисов, работе над докладами, рефератами, сочинениями. И многие положения методистов немецкой автономии(1918-1941) не утратили своей актуальности.

Небезынтересными представляются подходы Бориса Нормана, изложенные в его книгах «Лингвистические задачи»(2006) и «Игра на гранях языка»(2006), включающие всевозможные разновидности языковых игр, понимаемых весьма широко, начинают приёмов общения, передачи информации, самовыражения, развлечения, удивления и других феноменов человеческой среды обитания, вплоть до оригинальных лингвистических задач и этимологических шарад и этимологического юмористического словаря.

Таким образом, тройное метафизическое состояние мультилингва, говоря словами Карла Ясперса, «призывает нас к безграничной коммуникации», к преодолению узости отдельной «замкнутой в себе историчности», стремлению видеть и понимать другие языки и культуры.

Ибо только это помогает уяснить самого себя. И прав был Г. Померанц в работе «Выход из транс», подчеркивавший ценность «сердечной готовности к диалогу культур» и «единству разных вер и культур» и, мы добавим, целого ряда языков.

Совершенно очевидно, что мультилингвизм будучи особым лингвистическим феноменом предполагает наличие многомерной языковой реальности и особое отношение к языку, как к развивающемуся жизненному потоку, где культура и жизнь объединены в равновесной гармонии.

Безусловно, мультилингвизм связан с проблемой поступка, с проблемой ценностей состояния и теми ценностями, которые, по Ф. Степуну в «творческом акте объективируются и полагаются, как ценности «предметные», привычные трансцендентальные ценности культуры» (Ф.Степун. «Жизнь и творчество» Логос.1913.кн.4.с.80.)

Мультилингвизм – это есть особый языковой синтез мировоззренческого плана, ориентированный на мир культурных ценностей и конкретную жизнь.

Мультилингвизм объединяет «науку, искусство и жизнь в единстве моей ответственности»(Бахтин).

И мультилингвизм – это всегда событие и со-бытие по расширению кругозора миров культуры в индивидуальном опыте. Как писала в своей работе «Семантические универсалии и описание языков» А. Вежбицкая, «Каждый язык образует собственную семантическую вселенную. Языковые и культурные системы в огромной степени отличаются друг от друга, но существуют семантические и лексические универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основываются человеческий язык, мышление и культура»(М.1971,с.322)

Смысловый каркас любого языка формируют общие смысловые категории, в русском языке Н.Ю.Шведова выделила 20 таковых: одушевленность, действие, состояние, предмет, мера, место, время и др. Эти категории формируют наиболее абстрактный уровень языковой картины мира. Установлено, что культурная информация может быть представлена в номинативных единицах языка четырьмя способами: через культурные семы, культурный фон, культурные концепты и культурные коннотации. Проблемы лингвокультурологии не новы, их решали Ф.И.Буслаев, А. А. Потебня, А. Н. Афанасьев, Э. Сепир, Н. И. Толстой, В. Н. Телия, Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, В. В. Воробьев, В. А. Маслова, Е. Ф. Тарасов.

Для нашей концепции эвристическим потенциалом обладает оригинальная теория языковых гештальтов, высказанная Дж. Лакофф, понимавшего гештальты, как глубинные содержательные единицы языка, составляющих основу воспринимаемой человеком действительности(это как бы суть универсальные представления глубинных пластов человеческой психики, как целое лежащие вне категориальных рамок

естественного языка и являющего собой выражение трансцендентального опыта(Lakoff G/Johnson M/Metaphors we live by/Chicago.L/1980p/66)

Метафизику мультилингвизма невозможно уяснить без постижения феномена языковой личности. Данный феномен исследован в трудах разрабатывали Й. Вайсгербера, В. В. Виноградова, А. А. Леонтьева, Г.И.Богин, Ю. Н. Караулова, В. П. Нерознака, О. Б. Сиротинина ой, Т. В. Кочетковой, Т. Н. Снитко, Ю. Е. Прохорова, В. В. Красных и др. При постижении феномена мультилингвизма имеется огромное количество методологических трудностей. Его можно исследовать с позиций описательных методов: ценностных, деятельностных, функционистских, герменевтических(как вместилище информации, порожденное своеобразием личности мультилингва), нормативного (лоттмановский подход), диалогический и полилогический, информационный, символический, типологический, антиномический и темпоральный и а-темпоральный. Мультилингв реализует верховные ценности путем культивирования высших человеческих достоинств. Он творит многообразие в условиях неравенства, не стремясь к унификации и стандарту, утверждая индивидуальную неповторимость в рамках многоязычия. Переходя от потенции к организованно проявленной энергии слова, содержащей в себе свою материальную субстанцию, причину самой себя и цель своего движения и развития, мультилингв осуществляет полноту своего бытия, используя безграничность смыслов слова как действенное орудие творческой жизни.

Поэтому энтелехия, как внутренняя сила нашего познания, заставляет нас всходить на мультилингвальный Олимп, идти по пути, не взирая на то, каким бы он ни был тернистым. И сякий новый, изученный нами язык, сокращает эту дорогу, ускоряя наше продвижение к цели между Сциллой превратностей методов и Харибдой нашей памяти, доказывая нашу причастность к абсолютному, энтелехийному существованию. Чтобы познать другой язык, надо двинуться ему навстречу и воплотить свою мечту. И тогда мы начнем обживать язык, как дом уже нашего бытия.

Prof., Dr. habil. Phil., Dr. Phil. Galina Khotinskaia-Kallies

Der wissenschaftliche Beitrag der Deutschen zur russischen Ostasienforschung.

Das XXI Jahrhundert ist von Anfang an von großen religiösen Unruhen heftig geplagt. Daher ist es sehr wichtig das wissenschaftliche Erbe der Ostasienforscher im Auge zu behalten. Vielen Bürgern der westlichen Welt ist sehr bewusst geworden, wie wichtig es ist Kenntnisse über den Osten zu sammeln. Die Globalisierung, die über die ganze Welt hinwegrollt, steht vor dem östlichen Rätsel mit offenem Mund, und bis heute kann dieses Rätsel noch nicht entziffert worden. Wie nie zuvor Gewinn die Ostforschung wieder an Kraft und Raum. Der Osten ist sich seiner Sendung bewusst geworden, die sich nicht weniger als die Rettung der Welt zum Ziel gesetzt hat. Die historische Herausforderung des Ostens hat erst gerade begonnen. Wer weiß schon etwas Genaueres von der Ostasienforschung? Vielleicht hat man einige Namen, vielleicht hat man etwas davon gehört?

Die wissenschaftliche Gesamtleistung russischer Ostasienforscher war ungeheuer, aber wir besitzen nur noch Bruchstücke davon. Deshalb wird die Geschichte der russischen Ostasienforschung immer ein tastender Versuch bleiben.

Russische Ostasienforscher waren beeindruckende Persönlichkeiten und intimste Kenner des Ostens. Sie vermittelten faszinierende historische Erkenntnisse. Und dieser Artikel soll einen Beitrag zum besseren Verständnis zwischen den Völkern und Kulturen leisten.

Auf die Frage: „Warum interessiert uns heute das Erbe russischer Ostasienforscher deutscher Abstammung?“, - antwortet Laotse: „Wer nicht denkt, dessen Tor zum göttlichen Verstand ist verschlossen“.

Die intensive Ostforschung in Russland begann am Anfang des XVII Jahrhunderts. Eine besondere Entwicklung bekam sie zur Zeit Peter I., der eine japanische Schule 1705 in Petersburg eröffnete, in der viele Lehrer deutscher Abstammung tätig waren.

Als 1727 nach dem Vertrag von Kjachting die erste russische Mission nach Peking geschickt wurde, der drei Pfarrer und sechs Schüler zum Erlernen der chinesischen Sprache angehörten, darunter ein Deutscher, ging daraus eine Reihe glänzender Sinologen hervor, die so genannte „Pekingische geistige Mission“. Diese Mission entstand zuerst durch die Tätigkeit eines gefangenen russischen Bischofs für gefangene Russen und andere Landsleute.

Im Jahre 1715, nachdem der russische Kaufmann V. Oskolkov die Fürsprache eingelegt hatte, kamen aus der sibirischen Stadt Tobolsk der Archimandrit Illarion Lezaiskij und zwei Mönche nach Peking, die vom chinesischen Herrscher Geld und Wohnung erhielten.

Im Jahre 1729 entstand für die russische Botschaft das Sretenskij Kloster mit vielen Räumen für die russischen Mission.

Seit dieser Zeit wurde jeweils für zehn Jahre eine Mission aus Russland geschickt. Diese Mission bestand aus einem Archimandriten, zwei Jeromönchen, einem Kirchendiener, einem Arzt, einem Maler und sechs Studenten.

Ende des XVIII - Anfang des XIX Jahrhunderts leitete diese Mission der Archimandrit Palladij, der durch sein Werk „die Geschichte von Chingis-Chan“ berühmt wurde. Er war auch der Autor der „Wegnotizen von Peking bis zu Blagoweschensk“ (St.-P., 1872). Er hat ebenfalls die „Reisenotizen des Chinesen Jon-de-choi“ veröffentlicht.

In der Zeit von 1852 bis 1866 wurde die vierbändige „Arbeiten der Mitglieder der russischen geistigen Mission in Peking“ herausgegeben, die viele interessante Artikel über Chinas Geschichte und Kultur enthielten. Einige davon stammten von Russlanddeutschen.

Peter I., der ein sehr großes Interesse an der orientalischen Archäologie und Numismatik zeigte, veranlasste 1722 umfangreiche Maßnahmen zur Erhaltung der Ruinen der Bulgaren an der Wolga. Außerdem befahl er fünfzig arabische, tatarische und armenische Steinschriften zu übersetzen. Diese Übersetzungen erschienen 1771 in den Tagebüchern von S. J. Lepechin, der erwähnte, dass an dieser Arbeit auch Russlanddeutsche beteiligt waren.

Zum Zwecke der Untersuchung der sibirischen Funde und Altertümer wurde im Jahre 1720 der russische Naturforscher **G. D. Messerschmidt** abgeordnet, der erst im Jahre 1727 nach Petersburg zurückkehrte. Dies war die erste wissenschaftliche Reise nach Asien. Die in deutscher Sprache geführten Tagebücher von G. D. Messerschmidt blieben im Original erhalten. Die Auszüge und Abkürzungen in russischer Übersetzung wurden im Werk „Sibirische Altertümer“ von W.W. Radlov veröffentlicht. (Band 1.), Ausgabe 1. St.-P.), 1888.

W. Radlov war der berühmte Turkologe, der seit 1858 in Russland als Inspektor für tatarische Schulen bestimmt war. Er war Mitglied der russischen Akademie der Wissenschaften und sammelte als erstes sehr reiches Material über türkische Sprachen und Mundarten. Seine Werke waren u.a. „Proben der Volksliteratur der nördlichen türkischen Stämme“(10 Bände. St.-P.,1866/1907), „Versuch eines Wörterbuchs der Türkdiakete“(4 Bände, 1888-1911). Ihm gehörte auch die erste Veröffentlichung der „Orchon-Inschriften“ und des „uigurischen Fürstenspiegels Kudatku-Bilik“(ebd.1890). Alle diese Werke sind in der ganzen Welt bekannt.

In Tobolsk bekam **G. D. Messerschmidt** von schwedischen Kriegsgefangenen ein Manuskript unter dem Titel „die Geschichte der Türken“, die der chinesische Chan Abul-Gasie geschrieben hatte. So entstand eine der wichtigsten Quellen zur Untersuchung der Geschichte Mittelasiens, die sehr bald in der ganzen Welt bekannt wurde.

G.D. Messerschmidt unternahm auch die Maßnahmen zur Aufbewahrung der orientalischen Bücher und Handschriften, die während des persischen Zuges der russischen Armee 1722-1723 gefunden worden waren. Seit dieser Zeit nahmen die orientalischen Sprachen einen besonderen Platz in der Akademie der Wissenschaften von St. Petersburg ein. Und für das Erlernen, den Unterricht und die Erforschung der orientalischen Sprachen wurden **G. S. Bayer**(1738), **G. J. Kehr**(1740) eingeladen. Unter den orientalischen Werken von G. Bayer sind besonders folgende bekannt: „Elementa literaturae Brachmanicae Tangutanae Mungalica“(Commentarij Acad. Scient. Imper. Petrop., Bd.111, St.-P.,1732; Bd.IV, ibid. 1735).

Seit 1735 erforschte G. J. Kehr orientalische Münzen der russischen Kunstkammer. Seine Werke waren im Manuskript geblieben, und wahrscheinlich wurden sie vom Begründer der Beschreibung der orientalischen Münzensammlung der Akademie ausgenutzt, die 1745 zum ersten Mal erschien.

In diesem Buch gab es eine Liste der Münzen unter dem Titel „Numi chinesis, indici, hebraei, tatarici, persici, arabici, turcici“.

Im Jahre 1733 erarbeitete G.J. Kehr ein sehr interessantes Projekt zur Gründung der „Asiatischen Akademie“, das aber nicht verwirklicht worden war. Und da die Erfolge der europäischen Wissenschaften Russland untrennbar mit der Ostforschung verbunden waren, spielten in Russland, zum Unterschied zur Ostforschung in Europa, die chinesische, japanische sowie die Sprachen des Mittleren Asiens eine besondere Rolle.

Das praktische Erlernen der Orientsprachen begann intensiv zur Zeit Katharina II. Auf ihren Befehl wurde 1769 mit dem Studium der tatarischen Sprache am russischen Gymnasium zu Kasan begonnen. Laut der Verordnung von 1782 musste in den Volksschulen von Kolyvan und Irkutsk die chinesische Sprache eingeführt werden, wobei auch die tatarische, persische, bucherische, arabische Sprachen erlernt wurden.

1798 wurde in Omsk die „Asiatische Schule“ für Übersetzer und Dolmetscher aus dem Tatarischen, Mongolischen, Chinesischen ins Russische und Deutsche gegründet.

Eine besondere Rolle bei der Untersuchung der orientalischen Sprachen in Russland spielten verschiedene Expeditionen. Als Resultat der ersten Expedition entstanden die Werke von **G. F. Miller** „Die Beschreibung des Sibirischen Reiches und aller seiner historischen Ereignisse“, St.-P., 1750), sowie „Die Sibirische Historien“ von **J. E. Fischer** (St.-P., 1774).

Als Resultat der zweiten Expedition waren „die historischen Mitteilungen über die mongolische Bevölkerung“, die von P. S. Paellas stammten (St.-P., 1776-1802), der dabei die Kenntnisse von **G. Jährich** benutzte, der die mongolische Sprache sehr gut beherrschte (siehe seine Hauptwerke: „die Reisen durch verschiedene Provinzen des russischen Reiches in den Jahren 1768-1764, St. -P., 1771-1776); „die Sammlung der historischen Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften“ (Zwei Bd. ebd., 1776-1802); „die Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reiches in den Jahren 1793 / 94“ (bde. 1779-1801; In Ausg. mit Atlas 1803).

G. F. Miller hat auch im Jahre 1743 eine sehr umfangreiche linguistische Arbeit „Die Beschreibung der Völker des Kasaner Gebiets – Cheremici, Cvaci, votjaki u. a., so wie der Kasantataren, Mordwinen, Permjakten, Syjanen u. a.“ geschrieben, die fünfzig Jahre später 1791 veröffentlicht wurde.

Das erste asiatische Museum in Russland wurde im Jahre 1818 auch mit Hilfe von Russlanddeutschen gegründet. Im Jahre 1801 wurde der berühmte Orientologe Ch. D. Frähn zum ordentlichen Akademiemitglied Russlands ernannt.

Die allgemeine Assoziation der Ostforschung wurde in Russland im Jahre 1821 gegründet. Im Jahre 1818 wurde die Aufbewahrungskammer der orientalischen Handschriften und Münzen gegründet, die später als Asiatisches Museum und akademisches Zentrum der Ostforschung diente.

1830 bekamen die Orientsprachen ihr Recht und ihre Anerkennung an der russischen Akademie.

Im Jahre 1804 wurden an der Moskauer Universität, an den Kasaner- und Charkover Universitäten die Lehrstühle der arabischen und persischen Sprachen gegründet.

An der Kasaner Universität leitete seit 1807 Professor Ch. D. Frähn einen solchen Lehrstuhl. Von ihm wurde ein spezielles Programm ausgearbeitet. Ab 1836 wurde laut dieses Programms jede Schulklasse in drei Gruppen aufgeteilt: die arabisch-persische, die türkisch-tatarisch-persische und die mongolisch-türkisch-tatarische. Die Schüler, die diese Sprachen studierten, wurden vom Unterricht im Griechisch, Russisch und Deutsch befreit, sowie auch in Algebra, Malen, Zeichnen.

Im Jahre 1828 wurde an der Kasaner Universität geschiedene türkische und tatarische Lehrstühle gegründet. Später entstanden an der Kasaner Universität drei solche Lehrstühle: für arabische und persische Sprachen, arabische und türkische Sprachen, sowie mongolischen und Sanskrit Sprachen, später für chinesische und armenische Sprachen. 1833 wurden die

Lehrstühle für mongolische, 1837 für chinesische, 1839 für armenische, 1842 für Sanskrit, 1844 für Manguische Sprache organisiert.

An der Petersburger Universität unterrichtete man auch die orientalischen Sprachen seit ihrer Gründung.

Eine besondere Rolle zur Entwicklung der Ostasienforschung in Russland hat Baron **Victor Romanovitch von Rosen**(1849-1908) gespielt. V. R. Rosen hat die Fakultät der Ostasienforschung an der Petersburger Universität absolviert. Ab 1872 war er Privat-Dozent, von 1893-1902 Professor und Dekan dieser Fakultät; ab 1885 leitete er die Ostasienabteilung der archäologischen Gesellschaft, die als einheitliches Hauptorgan der Ostasienforschung in Russland diente. V. R. Rosen war auch der Gründer und der Redaktor der wissenschaftlichen Zeitschrift unter dem Titel „die Notizen der Ostasienforschung der russischen archäologischen Gesellschaft“(1896). V.R. Rosen untersuchte die geistige Kultur der orientalischen Völker, er schenkte große Aufmerksamkeit der politischen Geschichte dieser Länder, und hat ein Essay über die sozial-ökonomische Lage der Zentralgebiete von Haliphat in IX-X Jahrhundert geschrieben.

V. R. Rosen hat die neuen Methoden der wissenschaftlichen Untersuchung eingeführt. Er gründete die russische Ostasientextologie als Wissenschaft. Er untersuchte gründlich die arabischen Quellen über die Geschichte Russlands. Er hat einen Kommentar des ersten Teils der Chronik des arabisch-christlichen Historikers des XI Jahrhundert Jachij Antiochij herausgegeben. V. R. Rosen leitete die internationale Ausgabe der „Annalen von at -Tabari“. Von ihm wurden die arabischen und persischen Handschriften, die arabische klassische Poesie, die arabisch - byzantinischen Beziehungen und die Mitteilungen der arabischer Schriftsteller über Osteuropa untersucht. V. R. Rosen war im Jahre 1876 einer der Initiatoren der 111 Internationalen Kongresse der Orientologen in Petersburg. Seine Werke „Die Alt-arabische Poesie und ihre Kritik“(St.-P.,1872); „Die Nachrichten der al-Becri und andere Autoren über Russland und Slawen“ (St.-P.,1878); „Prolegomona zur neuen Herausgabe Ibn - Fadlana“(St.-P.,1903); „Zur Frage über arabische Übersetzungen Chudai-Name“ (St.-P., 1896) sind bis heute sehr wichtig.

Die Schüler von V. R. Rosen waren die hervorragenden russischen Orientologen V. V. Bartoldt und I. J. Krakovskij.

V. Bartoldt hat die „Geschichte der Untersuchung der Ostasienforschung in Europa und in Russland“ geschrieben (St.-P.,1911). Er hat sehr viel zur Erforschung der Geschichte und geographischen Lage Mittelasiens beigetragen.

Ende des XIX Jahrhunderts leisteten die politischen Gefangenen V. N. Bogoras-Tan und L. J. Sternberg sehr großen Beitrag zur Untersuchung der Paleasiatischen Sprachen.

A. M. Schögrühm und **N. F. Miller** untersuchten die Sprache des ossetinischen Volkes, die Arabistik wurde von **V. F. Giergas** untersucht.

Von 1894-95 unterrichtete man an der Kasaner Universität die türkisch - tatarische und die arabischen Sprachen; an der Jurjev Universität – die arabische, hebreische, persische, syrische, armenische Sprachen; An der Moskauer Universität – Sanskrit, georgische und armenische Sprachen; An der Universität von Gelsingfors – die Altaisprachen, Sanskrit, die hebräische Sprache und orientalische Literatur. An der Kasaner Geistlichen Akademie und im Moskauer Kommerzinstitut, im Lasarev Institut für orientalische Sprachen, im orientalischen Institut zu Vladivostok, an der orientalischen Abteilung der Offizierschule für orientalische Sprachen zu Taschkent, an der orientalischen Akademie zu Petersburg und verschiedenen anderen Institutionen unterrichtete man mindestens drei orientalische Sprachen.

Zu den bedeutendsten Forschern der kaukasischen Sprachen gehörten **A. A. Schiffneer** und **P.K. Uslar**, die besondere Beiträge zur Erforschung der Armenischen und der Georgischen Sprache leisteten. Im Jahre 1875 erschien ein sehr spannendes Buch von P. K. Uslar „die Chinesische Literatur“ und „die Geschichte der Kaukasischen Völker in der 11. Hälfte des XIX Jahrhunderts“.

Das Mitglied der russischen Akademie **J. I. Schmidt** gehörte zu den ersten Wissenschaftlern, die die mongolische Sprache und die mongolische Grammatik untersuchten. Seine „Grammatik der mongolischen Sprache“ erschien im Jahre 1831 (St.-P., 1831). Er hat auch das Poem „Hocscher - Han“ und „die historischen Werke von „Sana - Han“ herausgegeben.

Das Mitglied der russischen Akademie **V. A. Dorn** schrieb in deutscher Sprache das Buch über die Sprache die Geschichte der kaspischen Gebiete. Er war Mitbegründer der russischen Afganistik.

K. G. Salehmann und **V. A. Zukovskij** haben die persische Grammatik“ *Portalinguarum orientalium*“(B., 1889)geschrieben. Im Jahre 1890 erschien dieses Buch in russischer Sprache. Von Anfang an half K G. Salehmann bei der Erlernung der Sprache der Völker von Pamir.

Das Mitglied der russischen Akademie **O. Bätling** hat ein besonders wertvolles Wörterbuch der Sanskritsprache herausgegeben(St.-P.,1853-1875). Er verfasste auch das Drama von Kalidassa „Uruwasi“(1846), sein Schrift „Über die Sprache der Jakuten“(St.-P., 1851) gilt bis heute als Vorbild der linguistischen Forschungen.

Einer der bedeutendsten Vertreter der orientalischen Ethnographie war **Leo Fjodorovitsch Radlov (1818-1865)**. Er war der Verwalter des ethnographischen Museums an der Zarenakademie der Wissenschaften Russlands, war Archivar dieser Akademie von 1855-1870; später war er der Direktor des Larin - Gymnasiums. L. F. Radlov untersuchte die Sprachen Nordostasiens und der sibirischen Bezirke. Das Mitglied der Akademie der archäologischen Zarengesellschaft und der russischen geographischen Gesellschaft L. F. Radlov veröffentlichte „ Einige kritische Bemerkungen über Hr. Buschmanns Behandlung der Kinai Sprache“(Bullet de. L' acad. Imp. Der Sciences de St.-Peters. Classe. H.-Ph., v. XIV, S. 257-278; 289-294 (1857).

Er schrieb auch folgende wissenschaftliche Berichte: „Über die Sprache der Ugalachmut“(d. s. XV (1858), S.: 25-37; 49-63; 125-139); „Einige Nachrichten über die Sprache der Kaiganen“(D. s. S.: 305-331 (1857); „Über die Sprache der Tschuktschen und ihr Verhältnis zum Korjakischen“(„Mem. de. l' Academie Imper. des Scences““, V11 Serie, T. 111, N 10 (1861); „Wörterbuch der Kinai - Sprache“(„Mem. de l' Acade. des Sciences.V11., Serie, T., XX1, N8).

L. F. Radlov war auch der Autor „der Phonetik der nördlichen türkischen Sprachen“ (Lpz., 1882), er war der Herausgeber der siebenbändigen türksprachigen Texte unter dem Titel „Die Vorbilder der türkischen Volksliteratur der türkischen Stämme“(6 Bände erschienen im Jahre 1883 in deutscher Sprache. Ihm gehörte auch die Untersuchung des „Wörterbuches der türkischen Mundarten“ (1888).

Von großem Wert war auch das Buch „die Übersicht der modernen Werke in Russland über die orientalische Numismatik“, welches von dem Baron **W. R. Tiesenhausen** geschrieben wurde.

Einen unermesslichen Beitrag zur Ostasienforschung in Russland hat die Familie **von Struve** geleistet. V. V. Struve hat die Geschichte des alten Orients geschrieben. Er stammte vom Zweig des berühmten Astronomen Vassilij Jakob Struve ab, dessen Sohn Kiril Vassiljevitsch der russische Gesandte in Japan war und dessen zweite Sohn Bernhardt Vassiljevitsch in Ostsibirien diente. Später war er einer der Oberbürgermeister von Astrachan und Perm. Er hat sehr spannende „Erinnerungen über Sibirien“(1888) geschrieben.

In der Sowjetzeit gab es auch genügend Ostforscher, darunter auch deutscher Abstammung, so wie **J. N. Reissner, N. J. Konrad, A. A. Kreimann, J. E. Bärtels, A. A. Huber, N. V. Kühner, L. J. Dumann, A. G. Miller, N. J. Eidus, F. A. Rotstein, P. A. Myth, V. M. Danzing, J. A. Pövsner, J. N. Rerich, A. K. Arends, J.I. Friedrich**, die Mitglieder der sowjetischen Akademie der Wissenschaften waren.

J. I. Friedrich dechiffrierte vergessene orientalische Texte und Sprachen. J. N. Rerich und A. K. Arend erforschten Epigraphiken der orientalischen Völker.

J. M. Reisner untersuchte“ die Geschichte der Kolonialländer“. Von besonders hohem Wert waren die Werke von F. A. Rosenberg(1867-1934) und N. N. Poppe (1897-19 ?).

Das Mitglied der sowjetischen Akademie der Wissenschaften Fjodor Alexandrowitsch Rosenberg war einer den besten Schüler des berühmten russischen Orientologen **K. G. Salehmann. F.A. Rosenberg** war von 1902-1931 als Mitarbeiter des Asiatischen Museums tätig. Ab 1930 war er als wissenschaftlicher Mitarbeiter am neu gegründeten Institut zur Ostasienforschung tätig. F. A. Rosenberg untersuchte den iranischen Heldenepos „Schach-Name“ von Ferdoussie, ebenso wie die Saraostra - Frage und die Persische Literatur, die Geschichte von Sogda, die Epigraphik von Pachlevie, die Bildende Kunst vom Iran. Die wichtigsten Kataloge im Asiatischen Museum wurden von ihm angefertigt.

Als führender Mongolist der Gegenwart gilt Nikolaus Poppe, der auch Mitglied der russischen Akademie der Wissenschaften, und führender Linguist und Volklorist an der Leningrader Universität war. Er untersuchte die mongolische Sprache, mongolische Literatur und Volklore, die türkische und tungisische Sprachen. Von ihm wurden die Grundlagen der burjat-mongolischen Dialektologie geschaffen, Chalcha - mongolische Sprachen und alte mongolische Schriften untersucht. Die bedeutendsten seiner wissenschaftlichen Arbeiten sind: „Algar - Mundarten“(1930-1931); „Dagur - Mundarten“(L., 1930); „Die Werke der Volkloristik Chalcha - Mongolei“(L., 1932); „die Grammatik der mongolischen Sprache“(L., 1938); Chalcha - mongolischen Heldenepos“(L., 1937); „Die Solinsprache“(L., 1931).

N. Poppe lebte in Deutschland von 1942 bis 1949, danach übersiedelte er nach Amerika, wo er als Professor in Seattle(USA) tätig war. Seine weiteren Werke sind: „Khalka-Mongolische Grammatik“(1951); „ Grammar of written Mongolian“(1954). Im Jahre 1972 fand in Wiesbaden ein Kongress zu Ehren N. Poppe statt, wo der Wissenschaftler als führender Altaiforscher und Tibetologe präsentiert wurde.

Ohne weiteres haben die russischen Orientologen deutscher Abstammung die Grundlagen der komplexen Untersuchung der Ostasienforschung in Russland gelegt. Das waren neue Richtungen in der Geschichte, der Ökonomie, der Linguistik, der Literatur, der Ethnographie, der Kunst, der Religion, der Philosophie. Sie untersuchten die Denkmäler der geistigen und materiellen Kultur der orientalischen Völker; sie begründeten die Iranistik, Simithologie, Turkologie, Chinologie, Mongolistik, Indologie, Japanistik und sogar ganz neuen wissenschaftlichen Bereiche, wie Koreanalogie und Malaistik, auch die neuen wissenschaftlichen Methoden.

Für die meisten dieser Werke war am Anfang an die Beschreibungsmethode charakteristisch, aber später begründeten und entwickelten sie die neuen Bereiche der modernen Wissenschaft.

Die russischen Ostasienforscher deutscher Abstammung öffneten Weltperspektiven. Ihre Absicht war grundlegend neue Richtungen in der modernen Zivilisation aufzuzeigen, die schöpferischen Kräfte zu deuten, das neue Bewusstsein deutlich zu machen, das zu einem tieferen Verständnis der Wechselbeziehungen zwischen Menschen und Kulturen, Universum und Individium. Ihr wissenschaftliches Anliegen war das Prinzip der Einheit der Menschheit zu betonen.